

Глава первая

Девушка под присмотром

Апрель 1147 года был на исходе; солнце жарко пригревало, свежая зелень радовала глаз, в монастырском саду белой кипенью цвели вишни. День выдался таким пригожим, что Мария не утерпела, прошла от Феодоровского монастыря к обрывистому берегу Днепра, чтобы полюбоваться чудесным видом, открывавшимся с высоты. Речные острова широко раскинулись среди сияющей на солнце водной глади, правобережные кручи причудливыми террасами спускались к реке, а над ними царил храм Владимира Великого, воздвигнутый на месте некогда поверженного Перуна.

Но долго гулять по берегу девушка не могла: надо было возвращаться домой, чтобы родители не сердились. Они послали Марию в Феодоровский монастырь с поручением к иконописцу отцу Феофану, который был давним другом ее родителей — Дмитрия Клинца и Анны, урожденной боярышни Раменской.

По дороге домой девушка сделала небольшой круг, чтобы пройти мимо Софийских ворот, где надеялась встретить одну из своих подружек. Но ни Янки, ни Сбыславы поблизости не оказалось, зато на площади перед Софийскими воротами Мария увидела приметную компанию молодых иноземцев. По их расшитым хитонам и длинным плащам византийского покроя, а также по ровно подстриженным бородкам, обрамлявшим молодые смуглые лица, она догадалась, что эти заезжие молодцы — греки, а не латиняне, ибо у последних лица были бритые, а плащи — короткие.

Иноземцы оживленно переговаривались, поглядывая по сторонам. Главным среди них явно был тот, что стоял в центре, — не самый красивый и высокий, но державшийся с большим достоинством. Мария услышала, как кто-то из его свиты произнес имя «Андроник» — и сразу все поняла. Конечно, эти молодые люди прибыли на Русь, сопровождая своего предводителя — Андроника Комнина, двоюродного брата нынешнего императора Мануила. Девушка знала из рассказов старших, что этот самый Андроник, человек весьма самоуверенный, не поладил со своим царствующим родичем и уехал на чужбину искать удачи при других дворах. Еще говорили, что вряд ли он задержится на Руси, где жить опасно из-за княжеских распрей и где никакой выгоды для себя, никакой поддержки в притязаниях на византийский трон Андроник не найдет.

Молодые греки заметили Марию и уставились на нее с нахальными улыбками. Среди них двое или трое показались девушке очень красивыми и молодцеватыми. Их пристальные, откровенные взгляды смущали и волновали Марию, заставляя ее невольно краснеть. Потом один из красавцев выкрикнул несколько слов по-гречески. Другие засмеялись. Вряд ли они подозревали, что славянская девушка знает греческий язык. А между тем получившая немалое образование Мария хорошо поняла смысл сказанного византийским щеголем: он предположил, что тело юной незнакомки столь же прекрасно, как и ее лицо, да только слишком строгая одежда русов его полностью скрывает. А другой грек изъявил желание пощупать, насколько нежна белая кожа красавицы.

Тут уж Мария не смогла больше оставаться на месте; выкрикнув удивленным грекам, что считает их наглецами, она бросилась бежать прочь от опасной компании в сторону Улебова двора, где всегда можно было найти защиту. Впрочем, Мария не столько боялась греков, которые, конечно, не посмели бы напасть на нее прямо на улице, сколько злилась на саму себя. Она вдруг почувствовала, что мужские взгляды и дерзкие слова взволновали ее, заставили ощутить собствен-

ное тело, к которому столь откровенно потянулись эти красивые, образованные и, наверное, опытные в любви иноземцы.

Убегая, Мария едва не споткнулась, перехваченная за локоть чьей-то цепкой рукой. Вздрогнув и подняв глаза от земли, она увидела жирное, красноватое лицо с мясистым носом, редкой бородкой и масляно блестящими глазами. Это лицо принадлежало пожилому мужчине с короткими ногами и большим животом, толщину которого не мог скрыть пышный греческий наряд. В первую секунду Мария подумала, что этот почтенный толстяк — тоже из свиты Андроника Комнина. Но тут старый грек заговорил, и девушка поняла, что ошиблась.

— Прости, юная госпожа, — сказал он на ломаном киевском наречии, — но я хочу предложить тебе свое сопровождение. Меня зовут Зоил Оксивант, я известный ромейский купец. Не бойся этих невеж из окружения Андроника. Хотя, возможно, тебе они нравятся?

— Можешь говорить по-гречески, господин, я училась в монастырской школе, — сухо ответила Мария. — А сопровождать меня не надо, мой дом недалеко.

— О! При такой красоте еще и ученость! — удивленно воскликнул Зоил Оксивант.

Из-за его спины показался невысокий поджарый человек лет сорока и с любезной улыбкой заметил:

— Еще бы дочери Дмитрия Клинца не быть образованной! На хорошем дереве — достойный плод. Приветствую тебя, госпожа.

— Ты счастливее меня, Хрисанф, — оглянулся старый грек на своего помощника. — Ты знаком с семьей этой славянской Афродиты, а я — нет.

— Я не знаком с этой уважаемой семьей, но слышал...

Не желая продолжать разговор и принимать навязчивые услуги Зоила, Мария, резко дернувшись, высвободила локоть из его цепких пальцев и устремилась прочь. Застыв на месте, Оксивант провожал пристальным взглядом ее высокую тоненькую фигурку. Переходя через лужу, оставленную вчерашним

дождем, девушка невольно приподняла юбку, и старый грек заметил щиколотки ее стройных ног. Перед тем как свернуть за угол дома, Мария на секунду оглянулась. Ветер откинул волосы ей за плечи, обнажив лебединый изгиб нежной шеи.

— О мой Бог! — воскликнул Зоил, хватаясь за низ живота. — Хрисанф, это просто чудо! Я ощутил, как мои уснувшие чресла пробуждаются при одном взгляде на эту северную нимфу!

— Я же говорил тебе, что женщины русов весьма соблазнительны. Видишь? Здесь ты не только выгодно продал свой товар, но и, кажется, излечился от мужского бессилия. А еще не хотел ехать: дескать, холодно, опасно, дикая Скифия, кочевники, грызня между архонтами. Теперь не жалеешь? Даже искуснейшие куртизанки не смогли бы возбудить тебя лучше, чем эта невинная девица.

— О, Хрисанф, она совсем не так невинна, как выглядит! — воскликнул старый сластолюбец, закатывая глаза. — Ты заметил, как она смотрела на тех вертопрахов из компании Андроника? В ней много страсти, гораздо больше, чем кажется с виду. Она еще и сама не подозревает, какой обольстительной гетерой может быть! Страсть спит в ней, готовая каждую минуту пробудиться, нужно только прикосновение...

— Но беда в том, дорогой патрон, что пробуждаешь в ней страсть не ты, а молодые красавцы, — усмехнулся Хрисанф. — Впрочем, это неважно. Главное, что ты снова почувствовал себя мужчиной. Ты ведь этого хотел?

— О нет, Хрисанф, минутного ощущения мало, — воскликнул Зоил, хватая помощника за рукав. — Если я не добуду эту девушку, моя бедная плоть снова станет бессильной. И неважно, что красавицу возбуждают лишь молодые щеголи. Главное, что она способна возбудиться! Когда она отведаст твоего волшебного зелья, то я, старый Зоил, покажусь ей прекрасным Аполлоном! Ведь твои юнцы от этой травки становятся бешеными, эге? — Зоил ослабил и окинул своего спутника с ног до головы насмешливым взглядом.

— Неужели ты всерьез надумал сделать Марию, дочь Клинца, своей наложницей? — спросил Хрисанф без тени улыбки. — Пустая и опасная затея. Я много слышал об этой семье, когда жил в Херсонесе. Да и здесь, в Киеве, как-то раз наблюдал одну сцену, из которой сделал вывод, что с Клинцами лучше не ссориться. Такие девушки, как Мария, становятся женщинами только после венчания. А тому, кто попытается оскорбить ее девичью честь, не сносить головы.

Зоил поморщился от досады и, топнув ногой, воскликнул:

— Да я бы с радостью женился на ней, но что же мне делать, если я давно женат?

— Смирись, ищи себе другую девушку, более доступную, которая польстится на твое богатство. Здесь, на Руси, красавиц много.

— Мне нужна только эта, — упрямо заявил старый купец. — И я добуду ее любой ценой. Разведусь, заставлю свою каркающую ворону Ипполиту постричься в монахини... Увы, я даже готов отравить ее, если не согласится на развод...

— Побойся Бога, патрон, что ты задумал? — скрывая улыбку, спросил помощник. — Даже если избавишься от Ипполиты, это ничего тебе не даст. Клинец не станет принуждать дочку идти замуж против ее желания. А чем ты сможешь прельстить молодую красотку? Подумай трезво.

— А это уж твоя забота — подумать! — заявил хозяин. — Ты ученый малый, хитростью лису превзойдешь. Если бы не твой несчастный порок, был бы уже епископом, а то и митрополитом. Вот и подумай, как помочь своему благодетелю, то есть мне. Ведь я же тебя из беды выручил? Я тебе дал пристанище? Я твои грехи от людей скрываю?

Хрисанф кивнул, слегка поджав губы.

— Так вот, — продолжал Зоил, — отплати мне, дражайший, за мои благодеяния. Помоги обрести радость на закате жизни. Много ли мне, старику, осталось? Добудешь Марию — клянусь, что отпишу тебе в наследство мое фракийское

имение, да еще сотню номисм¹ в придачу. Не веришь? Сегодня же дам расписку. Ну а если не поможешь, то с какой стати я буду и дальше тебя опекать? Тогда живи, как знаешь. И письмо от таврийских монахов не стану прятать. А если его кто-нибудь найдет и узнает, чем ты в монастыре занимался? Может, конечно, в тюрьму ты и не попадешь, отвертишься. Но до конца дней своих останешься нищим презренным бродягой, да еще и с редькой в одном месте, хе-хе...

Зоил намекал на позорный способ наказания, коим византийцы карали уличенных в содомском грехе. Хрисанф невольно поморщился, но обижаться не стал, поскольку был уверен, что дальше угроз Оксивант не пойдет. Слишком ценным слугой был всезнающий и ловкий Хрисанф, чтобы Зоил так легко мог с ним расстаться.

Внезапно два всадника промчались мимо, едва не сбив с ног увлеченных беседой греков. Прижавшись к стене и перекрестившись, Зоил пробормотал:

— Опять, наверное, гонцы мчатся к великому князю с известием, что его дядя или двоюродный брат захватили какой-нибудь город. Здесь каждый день можно ожидать войны. — Он вздохнул. — Впрочем, и в империи смутьянов хватает... вроде этого. — Зоил с неприязнью посмотрел в сторону площади, где все еще мелькали пышные одеяния Андроника и его свиты. — Но только у нас, хвала Господу, им не разгуляться. Империя пока едина. Лишь извне враги тревожат. А здесь, на Руси, князьки между собой переругались, растаскивают эту страну на части. Ну, скажи, Хрисанф, — Зоил повернулся к помощнику, — разве юной девушке не будет безопасней у нас, чем в этой дикой и сумасшедшей стране?

— Вряд ли такой довод убедит Марию и ее родителей, — усмехнулся Хрисанф. — Русичи ведь не считают свою родину такой ужасной. Они, видишь ли, почти все от рождения патриоты. Трудно будет увезти отсюда девушку. Однако я по-

¹ Номисма — византийская золотая монета.

думаю, как это сделать. Не надейся на быстрый успех, но месяца через два, пожалуй... если все пойдет, как надо...

Заметив, что двое молодых людей из свиты Андроника направляются в их сторону, и подозревая, что общения с купцом они ищут с целью попросить денег взаймы, Зоил и Хрисанф поспешили свернуть за угол и постучать в дверь дома, где жил знакомый им княжеский тиун.

Тем временем Мария, возвращаясь домой, почти столкнулась на улице с молодым парнем по имени Рагуйло, сыном искусного киевского ювелира-эмальера Василька. Она знала парня с детства, почти так же давно, как и подружек Янку и Сбыславу. Мария никогда не смотрела на Рагуйла как на возможного жениха, подшучивая то над его именем, то над торчащими ушами, которые он старательно прикрывал копной темно-рыжих волос. Между тем подруги давно объяснили девушке, что он по ней «сохнет» и старается отогнать от нее всех возможных женихов. Но она только смеялась и не хотела замечать, что Рагуйло давно уже превратился в статного парня — пусть не слишком красивого и образованного, зато надежного и к тому же хорошего мастера, перенявшего от своего отца умение изготавливать затейливые колты, ожерелья и прочие украшения из золота с эмалью.

— Куда спешишь, Марийка? — остановил ее Рагуйло, преграждая путь.

— Куда же, как не домой? — улыбнулась она в ответ. — Родители велели к обеду не опаздывать. Сегодня мы ожидаем гостей из Новгорода.

— Кого? Должно быть, Шумилу-Калистрата? Твоя мать еще месяц назад заказала для его жены подарок — колты с эмалью. Сегодня они уже готовы.

— Матушка хочет сделать своей подруге приятное. Только вряд ли даже самый лучший подарок утешит Лидию, — вздохнула Мария.

— А что так? У новгородцев какое-то горе?

— Давнее. Такое же, как и в вашей семье. У них тоже когда-то украли сына. Только у твоих родителей остался еще ты и Воротислав, а у Калистрата и Лидии больше нет сыновей. Старший на войне погиб, а младший вот так и не отыскался...

— Да, горе... Матушка до сих пор иногда всплакнет, как вспомнит нашего Лазаря. А отец часто жертвует деньги на поминку злодеев, которые людьми торгуют и детей крадут.

Они немного помолчали, потоптались на месте.

— Ну, ладно, все равно ведь надо надеяться на лучшее, Бог милостив. — Мария грустно улыбнулась. — Красивые получились колты для Лидии?

— Да. И твой перстенок тоже хорош. — Рагуйло преданно посмотрел на девушку своими круглыми голубыми глазами.

— Перстенок? — удивилась Мария. — А разве я его заказывала?

Парень немного обиженным голосом произнес:

— А разве я не могу по собственному разумению сделать тебе подарок?

— Подарки, да еще дорогие, просто так не делаются, — укоризненно сказала Мария. — Ни праздника, ни повода никакого нет, а ты вдруг надумал. С чего бы это?

— А мне и повод не нужен. — Рагуйло слегка покраснел, и веснушки на его лице выступили ярче. — Вот наденешь ты на палец мое колечко — и мне будет казаться, что мы с тобой обручились.

— Дурачок ты, ей-богу, Рагулишка, — засмеялась Мария, шлепнув его ладонью по плечу. — Ведь я с тобой, как с Янкой и Сбыславой, дружила, а ты вдруг жениться вздумал.

— Так ведь мы уже не дети, чтоб в игрушки-то играть, — обиделся Рагуйло. — Конечно, понимаю, что в женихи тебе я не гожусь. Хоть и благородным ремеслом занимаюсь, а все-таки — простолюдин, не пара дочери купца-боярина.

— Значит, дважды ты дурачок, Рагуша, — укорила его девушка. — Отец у меня сам из простого сословия вышел. А ма-

ма, хоть и боярская дочь, никогда спесивой не была. В нашей семье людей ценят не по знатности рода, а по уму и честности.

— Отчего же тогда ты меня высмеиваешь? Отчего даже подумать обо мне не хочешь как о суженом своем?

В словах парня прозвучала искренняя обида, и Мария, невольно пожалев его, сказала:

— Да ты-то ведь тут ни при чем. Я не только о тебе, но и о прочих женихах не думаю, не мечтаю. Не проснулось еще мое сердце. Ты бы лучше на других девушек смотрел, на тех, которые рады выйти замуж. Вот хотя бы Янку возьми. Помоему, ты ей нравишься.

— Нет, Марийка, не учи меня. — Рагуйло покачал головой. — Лучше я подожду, когда твое сердце проснется.

— Ну и напрасно. А теперь посторонись, я спешу.

Она кинулась прочь, не желая выслушивать утомительные для нее излияния незадачливого вздыхателя. Но, отойдя на несколько шагов, Марийка невольно призадумалась. Конечно, она лукавила, объясняя Рагуйло, что не помышляет о женихах. В последнее время именно эти мысли волновали ее неотступно. Она жила в странном ожидании волшебного поворота судьбы, внезапной встречи, которая пробудит ее сердце.

Марийка была младшим, поздним ребенком, любимым последышем, родившимся, когда матери было уже тридцать пять лет, а отцу — сорок два. Ее баловали не только родители, но и старшие дети: братья Константин и Андрей и сестра Ольга. Но вместе с любовью и снисходительностью они окружили девочку слишком пристальным, слишком неусыпным вниманием. Пока Марийка была ребенком, эта опека ей даже нравилась, но теперь все больше начинала тяготить. Каждый шаг девушки был замечаем; ее успехи, таланты, подруги подробно обсуждались в семье, а поздние возвращения или одинокие прогулки неизменно вызывали упреки, а иногда и слезы матери. Анна Раменская, помня свою полусиротскую юность, старалась отдавать детям как можно больше любви и тепла, не замечая, что для младшей дочери материнская забота порой

становится чем-то вроде нежных оков. Константин и Ольга, хоть давно уже имели семьи и своих детей, тоже не упускали случая поучить младшую сестренку. Что же касается двадцатичетырехлетнего Андрея, который покуда был холост и к тому же отличался строгим нравом, то он вообще считал своим долгом следить за благочестием Марии, ограждая ее от случайных знакомств и опрометчивых поступков. Эта жизнь на виду у домашних, под их заботливым надзором, не позволяла Марии иметь свои сердечные тайны и сблизиться с кем-то посторонним, незнакомым ее семье.

В последнее время Мария стала бунтовать против постоянной опеки, пользуясь любой возможностью надолго отлучиться из дома, побыть наедине с собой, увидеть новых людей. Некоторую поддержку юная своевольница получила от отца. Дмитрий убеждал жену, что молоденькой девушке тоже нужна свобода, что Мария имеет право на свои суждения и маленькие тайны, а также на выбор друзей. Анна, вздохнув, с улыбкой заметила, что в дочери уже начала сказываться неумемная натура отца. Бывшая боярышня Раменская была не против того, чтобы дочь сама выбирала свою судьбу, но ее пугало возможное столкновение Марийки с окружающим миром, который с каждым годом становился все более жесток и ненадежен. Когда после смерти Мстислава Владимировича, старшего сына Мономаха, княжеские усобицы стали терзать Русь, киевляне забыли, что такое жизнь в относительном спокойствии.

Властолюбивому Андрею отец запретил командовать Марийкой, объяснив, что хороший брат должен защищать, а не притеснять младшую сестру. Впрочем, несмотря на этот запрет, Марийка и Андрей частенько ссорились друг с другом. Если бы они постоянно жили в одном доме, то, вероятно, ей бы туго пришлось. Но Андрей, не пожелавший, подобно отцу и старшему брату, стать купцом, состоял в княжеской дружине, а потому часто отлучался из дому по делам службы.

Мечтательная и страстная натура Марии давно уже рвалась к чему-то неведомому. Окружающие, замечая странные

перепады настроения девушки, говорили, что ей пора замуж. Но сама Мария так не считала. Во всяком случае, среди знакомых ей парней не было ни одного, при взгляде на которого сердце бы ее затрепетало: вот он, мой суженый. Многие ровесницы Марии, в том числе подруга Сбыслава, уже вышли замуж. Янка тоже готова была выйти, особенно за Рагуйла, если бы он предложил. А Мария, которой в сентябре должно было сравняться восемнадцать, еще ни разу по-настоящему не целовалась с парнями, а только в шутку, во время праздничных игрищ. Иногда девушка с некоторой досадой чувствовала свою необычность, непохожесть на других. Будь она как все — давно бы, вероятно, вышла замуж и познала бы те радости, о которых так любят шептаться девушки и женщины. Но ей мало казалось простого замужества. Перед глазами Марии был пример необыкновенной любви ее родителей. И еще она знала греческую поэму об Одиссее и Пенелопе, и сказание о Дигенисе Акрите, и киевскую былинку о Василисе Никулишне и Ставре Гоудиновиче. Ей хотелось, чтобы в ее жизни тоже все случилось столь же красиво и необыденно, чтобы и ее судьбу озарил свет великой любви. Но, оглядываясь вокруг, она не видела своего героя, не могла угадать его ни в ком.

А между тем и сердцем, и телом Мария уже созрела для любви. И сегодня, встретив раздевающие взгляды ромейских красавцев, она впервые наяву ощутила смутное волнение плоти, непонятное разуму, а потому пугающее. Это напомнило ей один недавний сон, рассказать о котором девушка не решилась бы даже на самой тайной исповеди. В том жарком сне к ней являлся незнакомец, прекрасный и сильный, как бог; он сжимал ее в объятиях и прикасался своими властными губами к ее дрожащим губам. Проснувшись, она не могла вспомнить лица этого незнакомца и долго металась, стараясь еще раз заснуть, чтобы снова пережить восхитительные минуты. Но больше дивный сон не повторялся...

Вздохнув, Мария медленно подошла к воротам своего двора. Она не знала, как скрыть от домочадцев то лихорадочное

волнение, что сжигало ее изнутри, заставляя желать чего-то несбыточного. Мысленно она попросила Господа просветить ее смятенную душу.

Дом, отстроенный на месте некогда сгоревших хором боярина Раменского, имел в Киеве добрую славу. Здесь всегда могли найти вспоможение нищие, калеки и богомольцы; в то же время хозяева не потакали бездельникам-попрошайкам и смутьянам, сеявшим в народе озлобление, призывы к резне и погромам. Дмитрий, Анна, их дети и челядь сами подавали пример трудолюбия и честности, но и от других требовали того же. А любовь и согласие, царившие в этом доме, вошли у соседей в поговорку. Даже сейчас, в трудные, неспокойные времена, дом Клинцов выглядел островком мира и постоянства среди беспрестанных волнений и смут. Мария боготворила своих родителей. Ей всегда казалось, что ее будущий муж если не внешностью, то уж смелостью, умом и характером непременно должен напоминать ее отца. Сама же она хотела быть похожей на мать, — однако чем дальше, тем больше понимала, что ее мятущейся душе недостает той гармонии и рассудительности, которыми отличалась Анна. Может быть, примесь кочевой крови делала Марию более страстной, более необузданной, чем мать, и девушка иногда с тревогой это сознавала.

Прежде чем войти в дом, Мария вытащила из-за пояса зеркальце и украдкой посмотрелась в него. Она знала, что красива, но любила лишний раз в этом убедиться. Похожая одновременно и на отца, и на мать, она во внешности своей смешала оттенки их красоты. Ее русые волосы были немного темней материнских, а карие глаза — чуть светлей отцовских угольно-черных глаз. Кожа Марии, не столь белая, как у Анны, отличалась приятным золотистым оттенком, а в чертах лица соединялись нежность и зной. Девушка снова понравилась сама себе и снова мысленно укорила себя за тщеславие: ведь чем больше она убеждалась в своей прелести, тем требовательней становилось ее своенравное сердце.